

УМЕРЕННАЯ
УМЕРЕННАЯ
УМЕРЕННАЯ

JOANNA CHMIELEWSKA

**Byczki
w pomidorach**

Модна
ХМЕЛЕВСКАЯ

**Бычки
в томате**

Всё смешалось
в доме Алиции!..

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44
Х65

Серия «Всё красное» выходит с 2013 года

Joanna Chmielewska
Byczki w pomidorach

Перевод с польского *Н. В. Селивановой*

Оформление — *Александр Шпаков*

Хмелевская, Иоанна.

Х65 Бычки в томате : [роман] / Иоанна Хмелевская ; [пер. с польск. Н. В. Селивановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Всё красное).

ISBN 978-5-17-091237-7

Дом Алиции, как всегда, полон гостей. Все с нетерпением ожидают приезда новой незнакомой пары — супругов Буцких. И вот они здесь, но, боже, какие странные! Пан Вацлав не закрывает рот ни на минуту и сует нос во все дырки, а пани Юлия молчит как рыба, ссылаясь на плохое самочувствие. Эта замечательная парочка начинает действовать всем на нервы, как вдруг пан Вацлав исчезает. После двухдневных поисков его труп находят в озере и понимают, что несчастный пан, скорее всего, стал жертвой маньяка. Безутешная вдова решает самостоятельно начать поиски убийцы...

УДК 821.162.1-312.4
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-091237-7

© Joanna Chmielewska, 2015
© Перевод. Н.В. Селиванова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

И вдруг на террасе появилась Алиция с каким-то листком бумаги наперевес. В тот день я, как это у нас по жизни принято, в очередной раз палали у нее саду сухие ветки и траву. Как только я заметила ее, меня охватило такое кошмарное дежавю, что вилы, которыми я подгрребала сушняк, чуть было не выпали у меня из рук.

Боже милостивый, ведь это уже было! И не очень давно, всего пару лет назад, когда по всему ее дому и прилегающим окрестностям были разбросаны красные трупы... Ну, не то чтобы трупы... И в целом не такие уж и красные... В общем, однофигственно. Но тогда она точно так же вышла на террасу с точно таким же листочком в руке, а я жгла костер, и она спросила... Дай бог памяти... Да, точно, про чебураханье!

— Слушай, — Алиция в раздражении остановилась на самом краю террасы. — Это проклятие какое-то, не иначе. Мне что, уже не судьба найти когда-нибудь целое письмо, а не середину без начала и конца?

Я вздрогнула при мысли, что дежавю слишком быстро набирает обороты, и надо мной тоже висит проклятие. Но теперь появилась хотя бы надежда на благополучный исход, поскольку я была вооружена вилами, а в прошлый раз — всего-навсего случайной оглоблей. И вдруг облом, надежда с криком умчалась в туманную даль: задумавшись, я оперлась на вилы, забыв, что черенок у них коротковат, и чуть было

не брякнулась головой в костер, хотя на этот раз ничто этому не мешало, так как парика на мне не было, а значит, и финансовых потерь никаких. Скорее всего, потому и не брякнулась. Пришлось подпереться вилами менее формальным образом.

— Всего только страница нашлась? — спросила я удивленно. — И что там? Опять одни кретинизмы?

— Как тебе сказать? Вроде того, но только без розовых соплей. Ты что, забыла про эту ветвистую кучу?

— Не забыла, а оставила на десерт. Потом сожгу.

— А может, съешь на десерт картофельный салат или свою любимую рыбку?

— Ты рыбу купила? — обрадовалась я. — погоди, сейчас прочту, только тут подброшу.

Алиция меня не торопила. Она взглянула на старую яблоню, что росла у самой террасы, положила листок бумаги на садовый столик и принялась сосредоточенно изучать отслоившийся от толстеного ствола кусок коры. Яблоня, предмет наших неустанных забот, была старше дома, и я терпеть ее не могла, так как с нее все время осыпалась какая-то труха, ветки, казалось, держатся на честном слове, а в довершение всего каждый год она заваливала все вокруг препаршивыми яблоками, причем абсолютно несъедобными. В лучшем случае можно было пустить их на компот или варенье. Эта падаль в одно мгновение загнивала, а мне приходилось ее убирать. Не то чтобы кто-то меня заставлял это делать, занималась я этим добровольно, просто из чувства порядочности, но крайне неохотно и весьма небрежно, что только усугубляло мою неприязнь к их источнику, то бишь, к яблоне.

Я выбрала подходящие ветки для поддержания огня, старательно обходя, понятное дело, ветвистую кучу, побросала их в костер, воткнула вилы в землю и направилась к террасе.

Ходу было всего ничего, от силы метров пятнадцать. Мне и в голову не пришло разводить огонь в густом кустарнике под носом у соседа или в зарослях сухой крапивы. Опять же

лучше всего делать это под открытым небом, чтобы не спалить заодно всю округу. Но, несмотря на плевое расстояние, у меня возникло столько всяких мыслей и ассоциаций, что просто удивительно. Копаться я в них не стала, хотя, по правде говоря, приехала на этот раз в Биркерёд в слабой надежде привести в порядок свои растрепанные чувства и душевные хитросплетения. Жалко, нет здесь Александра Македонского, нашлось бы ему, чем заняться. Но за неимением узлоруба Македонского сгодится и Алиция, пусть даже без меча.

— Забыла тебе сказать, что опять стала ходить с моим мужем, — сообщила я подруге, закуривая.

— Похоже, у нее эти, как их, — озабоченно произнесла она, глядя на яблоню, — не помню, как называются, надо проверить. Но только не короеды. Не поняла, ты о чем?

— Я говорю, что снова начала ходить с моим мужем, — вежливо повторила я и уселась бочком в садовое кресло.

К сожалению, кресла в саду у Алиции позволяли сидеть на них либо в ползада, либо полубоком, то есть на одной из ягодиц, трудно сказать, что хуже. Ни то, ни другое меня не устраивало, пришлось выбрать меньшее зло и кое-как утнеститься на самом краю седалища.

Алиция потянула на себя слегка отставший кусок коры и углубилась в изучение ее богатой внутренней жизни.

— Все равно не понимаю. Ходишь со своим мужем, говоришь? В каком смысле? На работу? Или на эти, как их там, на демонстрации трудящихся?

— Спятила? В том самом смысле, как раньше говорили: она с ним ходит. Или, например, этот придурок ходит с твоей сестрой. Или твоя секретарша ходит с тем козлом, что тебя подставил.

Алицию так заинтересовала изнанка коры, что она даже сняла очки, чтобы лучше ее разглядеть.

— Две разновидности тут вижу, одни белые, а другие такие буроватые. Придется лупу поискать. Насчет хождения все понятно, только насколько я знаю, это всегда означало, что кто-то с кем-то спит. Ты спишь со своим мужем?

— Если не считать, что мы уже девять лет в разводе, в этом не было бы ничего странного. Но, представь себе, не сплю. Зато вполне возможно, что мы опять выйдем замуж.

Я спокойно сидела на своем полукопчике, курила, кресло было надежное, прочное, и ничто не угрожало моему равновесию. Зато Алиция стояла на маленьком бордюрике, довольно шатком, одной рукой держась за толстую ветку, а другой — подтягивая к самому носу отслоившийся кусок коры. Вообще-то она женщина достаточно ловкая, и всякие акробатические упражнения для нее — сущие пустяки, но тут на нее слишком много навалилось. Рывком отодрав кору, она резко подалась назад и, не удержавшись, рухнула со всего размаху в удачно стоявшее прямо позади нее кресло. Приземлилась она, может, и не точно по центру, зато очень глубоко и на подушку. Что странно. Не иначе, как подушку подложила рука судьбы, ибо на садовой мебели они появляются не часто.

— Ты меня шокируешь, — в ее голосе слышался упрек. — Я тебя опять не понимаю.

— Расслабься, — посоветовала я и предложила: — Займись чем-нибудь другим, подумай о чем-то приятном. Хочешь, я тебе кофе принесу?

— Хочу.

Когда я вернулась из кухни с кофе для Алиции и с пивом для себя, оторванный кусок коры лежал посреди стола вогнутой стороной вниз, а выпуклой вверх рядом с таинственным письмом без начала и конца. А сама Алиция бог знает в который уже раз возвращала в вертикальное положение перевернутые последним ветром фуксии. Две вернула. Я отодвинула кору подальше, так как вид личинок, резвившихся теперь на столе, не вызвал у меня прилива энтузиазма.

Алиция, уловив приятный запах кофе, забыла о таинствах природы.

— Я, конечно, женщина сообразительная, но ты мне, будь добра, все-таки растолкуй. Что ты выйдешь замуж, это пускай и странно, но я еще могу понять. Но вот как твой муж умудрится выйти замуж? Он вроде бы мужчина?

- Судя по двум детям, очень на него похожим, скорее, да.
- Ну, и как?
- Что как?
- Как он может выйти замуж? Как педераст?
- При чем тут педераст? Он ими брезгует... А, дошло!

Это я не так выразилась. По сути правильно, а вот форма подкачала. Я хотела сказать, что мы заключим очередной брак.

— Очередной, это который?

— Третий. Погоди, ты о ком спрашиваешь, о нем или обо мне? У него будет четвертый, а у меня третий.

— Как-то вы не в ногу разбрачевались, надо было следить за балансом сходов и развалов, — подумав немного, заклемила нас Алиция. — Тут у меня одна проблема вырисовывается, хотела с тобой посоветоваться.

Она сидела в своем садовом кресле с подушкой и пристально разглядывала обломок какой-то веточки. Проблема меня сразу заинтересовала, и я уже собралась на ней сосредоточиться, но вовремя взглянула в сад... И сорвалась с места.

Собственно, срывать никакой нужды не было. Даже если бы этот проклятый костер погас, я бы его снова разожгла в два счета, пиromanские гены в нашем роду передаются из поколения в поколение. Но вообще-то заготовленный сушиник уже подходил к концу, остальное топливо росло на валу и его еще предстояло срезать, затем дать подсохнуть, а мне было неохота этим заниматься, так как беседа с Алицией приняла интересный оборот, посему я решила свои игры с огнем на день текущий закончить. С нежностью водрузив на догоравшие головешки ветвистый десерт, я выдернула из земли вилы с намереньем сразу отнести их в сарай. Жизненный опыт подсказывал мне, что и не такие мелочи в этом доме пропадали.

— Скоро опять эти свиньи кусачие появятся, — горько вздохнула Алиция, когда я, помыв руки, выглянула на террасу. — Я иду домой, а ты поступай, как знаешь.

— До моего дома далековато будет, лучше я к тебе поступлю, это ближе. Надо вещи в салон перенести.

Термин «свиньи кусачие» совсем меня не удивил, так как я сразу догадалась, что это милое прозвище получили на сей раз комары, которых мы как только не обзывали. И было за что, поскольку они проявляли к хозяйке имения исключительный интерес.

Кроме нормальных предметов Алиция притащила в дом и пресловутый кусок яблоневого коры, пристроив его на свободном конце стола. Я в деликатной форме намекнула ей, что если жучки полезут наружу, их трудно будет различить на фоне тикового дерева, особенно тех коричневатых. Хозяйка милостиво соизволила подсунуть под кору желтую обеденную салфетку, что меня отчасти успокоило.

Повозившись немного в кухне и подкрепившись упомянутой выше рыбой, мы перешли к кофеизации, как вдруг Алиция вскочила с места и с деловым видом устремила в один из отдаленных районов салона, а через минуту вернулась с огромной, но уже початой бутылкой коньяка.

— Где тот листок из середины письма, что я нашла? — спросила она с деловым видом. — Ты его с улицы забрала или я?

Какое-то время я еще сидела без движения и тупо пялилась на нее, затем отставила опустевшую коньячную рюмку, поднялась и вышла на террасу. Страничку я нашла сразу на краю газона, куда ее сдуло легким ветерком. Ветерок по сильнее без труда осчастливил бы ею соседский участок. Хотя нет, скорее всего, она застряла бы в колючей изгороди.

— После первого дождя, могла бы уже и не беспокоиться.

— Дождя пока не предвидится. Дурацкая бумага! Кто пишет письма на копирке?

— Кто-кто? Я пишу свои письма на пишущей машинке, — напомнила я. — И на всякий случай всегда стараюсь уложиться на одной страничке. Может, и скученно выходит, зато без воды, и уже ничего не потеряется.

Подруга похвалила меня за предусмотрительность и погрузилась в текст письма.

— Смотри, — сказала она через некоторое время, — здесь в самом начале стоит: «...умоляю, прими их!». Это продолже-

ние не сохранившегося текста, потому что «умоляю» начинается со строчной буквы, а перед этим, наверное, была запятая. Из чего путем дедукции можно сделать вывод, что пишет мой знакомый, и даже близкий мне человек...

— Но явно плохо тебя знающий, — съязвила я. — А может, он судит по себе.

Алиция гордо проигнорировала мое замечание:

— Не хочу никого обижать, но автор письма предлагает какой-то дурацкий обмен. Я, мол, должна принять каких-то этих, а он за это ко мне пока не придет, и даже наоборот, тактично воздержится от визита до тех пор, пока я его не приглашу сама, причем в однозначной форме. Как, черт возьми, я могу его пригласить, если не знаю, кто это? Так, дальше читаем: она его любит без памяти и жить без него не может, и если уж ей с этим так не повезло, то она на все согласна, лишь бы он ее не бросал, как это принято у мужиков. Ничего не понимаю! На, читай сама и делай выводы. Я пас.

— Нечего дурочкой прикидываться, — буркнула я, забирая у нее письмо. — Все ты понимаешь, просто тебе все это не нравится, вот и не хочешь вникать...

Алиция пожалала плечами, сама сделала себе кофе, а мне, немного подумав, плеснула еще коньяку. Наверняка вспомнила, что я в свое время работала на стройке, и меня сорока градусами за стеклом не удивишь.

Скажу честно, письмо это без начала и конца мне тоже не очень понравилось. Любовь была мощной струей из каждого его предложения, но все во мне протестовало против такого положения вещей. По всему выходило, что некая *она* до безумия влюблена в некоего *него*, замечательно, никому не запрещается, а он ничего против не имеет, но ей все время чего-то не хватает, и надо это дело как-то исправить, в чем автор послания всячески пытается ей помочь. И в этой ситуации аналогом Нобелевской премии, алмазных копеей, приворотного зелья и тому подобных пересадок мозга должна стать именно Алиция. Ну и письмо! Одна последняя фраза чего стоит: «А он еще носом крутит!» — в этих

словах таились и боль, и обида, и слабая надежда на восстановление справедливости. Получается, что кому-то не по душе эта затея?

Я принялась размышлять вслух:

— И кто это может быть? Твоих друзей я знаю, ну, за некоторым исключением. Эти двое, о которых письмо, явно из Польши, один носом крутит, у них, выходит, разногласия. Ты их знаешь, потому что тебе случалось их приглашать...

— Это почему еще?

— Потому что иначе бы ты не дергалась по этому поводу так, словно это акт самоотречения с твоей стороны. А может, все наоборот, они нагло напрашиваются, ты не хочешь их видеть, и в последний момент они отказываются от приезда в пользу этих двух своих протезов. Вот идиотизм! Всем известно, что ты пригласила бы к себе любого земляка, которому вздумалось окопачиваться возле твоего дома. Вопрос не в том, кого тыпустишь в дом, а в том, кого ты непустишь. Вот скажи, кого?

— Агату, — не задумываясь, ответила Алиция. — Но она живет в Швеции, и может быть, или одна или вчетвером.

— Не катит. Эти из письма — оба из Польши. Две штуки, одна гаупая, другая с головой...

По физиономии Алиции было ясно, что она догадывается, о ком идет речь, но говорить не хочет. Я тоже догадалась, кто это.

— Мне что ли за тебя сказать, о ком речь? — спросила я едким тоном.

— Ну?

— Это Ханя и Збышек. Ты не подумай, что я против, — быстро добавила я, — мне они очень симпатичны. Збышек — просто прелесть, а Ханя — наполовину дура набитая.

— На какую половину? — тут же заинтересовалась Алиция.

— Как бы тебе объяснить... Как человек она... Вернее, как женщина она в тройке лидеров. Мужчины — воины, женщины — отдохновение воинов. Они созданы, чтобы украшать жизнь мужчин. Женщины — это лианы, которые не

могут жить без своих дубов, они от этих дубов балдеют. У женщин есть инстинкт, как у любого низшего животного. В женщинах все должно быть прекрасно: и лицо, и запах... Цитировать дальше? Ханя всем этим условиям отвечает в полной мере. А в придачу отлично готовит.

— Ладно, считай, что до меня дошло. Про вторую половину можешь не рассказывать, — добавила я.

— А еще у них доброе сердце, они понимают, что такое любовь, и апробируют ее с упоением.

Алиция обвела взглядом стол и плеснула себе коньяку. Затем подвинула бутылку ко мне. Я подумала и тоже добавила. Если я угадала правильно, повод для гордости за мужчин имелся.

Збышек был журналистом с политехническим образованием. Он ездил по всему миру в качестве корреспондента всевозможных польских и иностранных журналов и занимался интереснейшими вещами, вроде какого-нибудь моста черт знает через что перекинутого, японской монорельсовой железной дороги, небоскребов в Штатах, плотины на Ганге. За Ганг, впрочем, не ручаюсь, может, это были Миссисипи или Амазонка. Родину он тоже не забывал, а вот Ханя... Достаточно будет сказать, что, невзирая на страну пребывания, после возвращения с работы Збышека всегда ожидал на столе вкусный ужин, а после него горячая ванна, чистое полотенце и сладкие ласки его второй половины. При этом Ханя, будучи на пять лет старше Алиции, выглядела на пятнадцать лет моложе. Как ей это удавалось, не известно. Работать она никогда не работала, украшала своим присутствием интерьер и жизнь мужа, сердце имела доброе и всегда была готова помочь кому угодно в случае необходимости.

И при всем выше сказанном отличалась какой-то загадочной глупостью, так как за рамки перечисленных достоинств ее умственные способности не выходили. А еще Хане ужасно хотелось, чтобы вокруг были одни замечательные люди.

Алиция, знавшая Збышека со школьной скамьи, с Ханей познакомилась гораздо позже и вся испереживалась, глядя

на их отношения. С одной стороны Збышек, окруженный нежной заботой красавицы-жены, просто обязан был с нею быть счастлив, с другой созданная для воинских отдохновений Ханя была проста и незатейлива, как поваренная книга. Тут хоть в лепешку расшибись, а все не понятно будет, как с ней быть и что делать.

Алиция, само собой разумеется, ничего такого и не делала и, что примечательно, никогда не роптала и не злословила по поводу фактического состояния пуговиц и рубашек Збышека, может быть, потому, что он был стопроцентным джентльменом, и даже если бы весь его гардероб порвала бешеная собака, он бы ей слова матерного не сказал, не то что швейцарский Влодек. Ханя же всю работу по дому проворачивала легко, незаметно и с соловьиной песней на устах. Хуже всего было то, что чем больше она изошрялась в приготовлении блюд, пришивании пуговиц и глажке рубашек, тем очаровательнее и соблазнительнее выглядела. Прямо-таки вся светилась изнутри, и Збышек, что уж тут скрывать, души в ней не чаял.

Чувства Алиции, таким образом, были весьма противоречивы, что отнюдь не мешало ей дружить с обоими супругами и постоянно приглашать к себе в гости. Один раз им удалось воспользоваться приглашением, было очень мило, потом занятость Збышека на работе все время заставляла их откладывать очередной приезд, и вот теперь это проклятое письмо совсем нас сбило с толку.

Черт возьми, а ведь на Ханю это очень даже похоже! Как и на Збышека: он всегда так чертовски тактичен и сдержан, и вечно чем-то недоволен.

— Может, ты все-таки будешь читать свою корреспонденцию целиком, а не по кусочкам? — укорила я подругу.

— Могу и целиком, как-никак грамоте учная, просто кто-то меня лишил этой возможности. А вот что ты по этому поводу думаешь? Потому как у меня свежая проблемка нарисовалась. Любовь-морковь... Нет, я к Хане хорошо отношусь.

— Я бы на твоём месте им позвонила. Чем ты рискуешь? Вот телефон.

— А если это не они писали? Глупо получится. Одно дело, что ты в курсе, а другое всех вокруг поставить в известность, что я письма теряю, и вообще по жизни раззява.

От столь неожиданного признания я сначала впала в ступор, потом оторвала копчик от кресла, плюхнулась назад, потом (на автомате) хлопнула рюмку коньяку и тут же (по-прежнему на автомате) наполнила себе другую.

— Ты что, серьезно думаешь, что для кого-то на свете это тайна? Боже мой, откуда эта наивность? Мне просто страшно за тебя становится!

— Вечно ты все преувеличиваешь, — одернула меня Алиция, сохраняя при этом полное спокойствие. — Они могут думать, что угодно, например, что это глюки. В любом случае я предпочитаю вычислить автора путем дедукции. Тебе же нравится дедукция?

Я с отвращением взглянула на коньяк, который никогда не любила, встала, нашла теплую минералку, холодной не было, и снова уселась за стол.

— Ты мне тут кончай выкаблучиваться и не спорь из принципа, — потребовала я сурово. — Ты это письмо целиком в руках держала, а значит, и прочла больше. Что-то тебя в нем тронуло. Может, оно с самого начала у тебя ассоциировалось с Ханей? Я говорю — *может*, а ты засохни! Я к глупым чувствам отношусь с пониманием и в этой области в сто раз рациональнее тебя буду...

Тут Алиция выкинула такое, что бывает только в дурной американской комедии. Она вдруг заржала с присвистом, как простуженная лошадь, построила жуткую рожу, подкинула вверх упаковку с салфетками, смахнула с полки банку с кофе, к счастью закрытую, нагнулась, чтобы ее поднять, и врубилась головой в тумбочку с компостом наверху, уронив, понятное дело, ведро с компостом, вернулась в кресло и снова заржала. Мне удалось вставить слово, только когда она сделала паузу, чтобы хлопнуть рюмку коньяку.

— Ну ладно, теоретически рациональнее! — буркнула я обиженно. — Не о практике идет речь, а о теории. Моя рациональность тут ни при чем, выкинь меня из головы. Коро-